

ЕВГЕНИЙ ШТИЛЬ

Террорист

Евгений Штиль

Террорист

«Издательские решения»

Штиль Е.

Террорист / Е. Штиль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902777-1

В сборник вошли повести и рассказы российского писателя Евгения Штиля. Это повествования разных лет о нашей с вами жизни — веселой, сумасбродной, пестрой. Если вы любите вспоминать, задумываться, улыбаться, эта книга для вас.

ISBN 978-5-44-902777-1

© Штиль Е.
© Издательские решения

Содержание

Слово от автора	6
Ириска	7
Волк	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Террорист

Евгений Штиль

© Евгений Штиль, 2020

ISBN 978-5-4490-2777-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово от автора

И снова вниманию дорогих читателей предлагается непоследовательная мозаика из грустного и веселого, из жизненного и не совсем обычного. Соблюсти какую-либо внятную хронологию у автора также не получилось. Как и в первый сборник «Дерево на твоём окне», в данную подборку вошли вещи, созданные и до миллениума, и много позже. Поэтому добрый совет: не ищите тайного смысла и закулисной логики – просто выбирайте прозаический поток по душе, отталкивайтесь от берега и плывите.

*С Любовью,
Евгений Штиль*

Ириска

День у Валерия получился славный. С начала и до конца.

Почему? Да потому что случился сон – полноцветный и сочный, точно яблоко из пахучего детства. И были в том сне полеты – самые настоящие – с панорамным обзором, с кусаче-сладковатым присвистом на дне кишечной лоханки. Он ведь давно уже не летал, ни наяву, ни во снах, а тут взмыл – да еще как! На легком дельтаплане с алым, почти гриновским крылом выписывал пируэты над знакомыми холмами Планерского, зависал против ветра, на бреющем мчался вниз, свечой возносился в небо. А ведь было такое и в реалиях – в архидалекой юности, в волшебные времена, когда из почтовых ящиков извлекались письма, а не счета с рекламной чепухой, когда и ездили в Крым не на пляжи с шашлыками, а ради мегалитовых тайн кром-лехов и дольменов, ради оглушительных высот Ай-Петри и сумасшествия восходящих потоков. И вот – пусть во сне и ненадолго, но что-то такое вернулось. Душа звенела от восторга, земля превращалась в лоскутное одеяло, в шахматную гигантскую доску, и стоило принять чуть ближе к морю, как вздымалось над миром бугристое тулово дракона, топорщило устра-

шающие шипы, и голова с гребнем Карадага жадно припадала к морскому водопою, глотая и втягивая в себя бирюзовые волны...

Короче говоря, сон подобного рода обещал славное продолжение, и не удивительно, что в этот день ему дважды улыбнулся шеф, и трижды – секретарша Людочка. На то имелись весомые причины. Блок диагностики, тестируемый уже на протяжении месяца, наконец-то «зафурычил и зафункционалировал», что и отразило в отчете вдохновенное перо присланного студента-ассистента. Работа задалась, а с ней задалось и общее настроение, тем более что особенным этот день делало великое событие. Именно сегодня Валерий Кузьмич (для своих – Лерыч или Валерка), в прошлом заядлый дельтапланерист, нынче – заведующий лабораторией пусков НИИТЭК, расставался с мадмуазель Евгенией. Расставался после семи лет совместных урядиц и неурядиц, а семь лет – это не одно-единственное лето, это срок! И если уж распевают на всех углах, что лето – это маленькая жизнь, то семь означенных лет при определенных условиях могут запросто превратиться в вечность.

Можно было горевать и плакать, но в то время как другие устраивали праздники души и тела, меняли брюнеток на блондинок, кротких овечек на громогласных стервочек, примеряли подруг, будто сезонные сорочки и морские курорты, у Валерия все протекало скучно и обыденно. Работа разбавлялась исключительно настольным теннисом, беседы в курилках походили одна на другую, а вечера неизменно проводились в компании одной и той же дамы. Раньше даму он именовал Женькой, теперь – преимущественно Евгенией. Раньше Валерий ездил в Крым, теперь сидел дома или ограничивался местными санаториями. В общем, была новизна и сплыла. Возникла обременительная обязаловка. А ведь даже женаты они не были. Как-то в голову не приходило регистрировать отношения. И все равно зачем-то встречались. Почти ежедневно. Только недавно обоих осенило (одновременно, заметьте!), что затянувшийся сериал можно прекратить смелым движением ножниц. Очень уж много мыла и мало смысла. Кстати, слова почти однокоренные – мыло и смысл. Но вот именно – почти...

Как бы то ни было, расставались с обоюдным облегчением. Евгению утомила обыденность, у Валерия замаячила на горизонте Людочка – соблазнительная тропка влево, веточка, по которой с неожиданной силой захотелось отклониться от привычного ствола. Да и в Крым потянуло – к летучей молодости, к Волошинскому профилю, к агатовым пескам и Шалыпинскому гроту. Не зря же приснился сегодняшний сон! Может, прямо с Людочкой и махнуть на красивом аэроплане поближе к солнцу? Подсуется с билетами, собрать рюкзачок – и в обнимку вперед! Потому как быстротекущие годы – с одной стороны, и остатки нерастратченного обаяния – с другой. И яснее ясного, что еще немного, и плюсы превратятся в минусы, истает обаяние, поредет волос, угаснет огонек в глазах. Последнее десятилетие пробежит вхолостую, в сущности, потратится ни на что.

В институтском туалете Валерий осмотрел себя в зеркале, скупно улыбнулся. Древние вещали правду: улыбка – вещь более тонкая, нежели смех. А улыбаться он, по счастью, умел. Хоть и не слыл никогда красавцем. Старомодные баки выглядели как пара заплесневелых пончиков, дырчатый, смахивающий на кукурузину нос совершенно не красил лица, а уж просвечивающие на солнце крупные уши годились разве что для страниц развеселой «Бурды». В общем, недоразумение, а не мужчина. Но ведь странным образом нравился. Иные дамы и письма писали, и заигрывать пробовали, на одиночество жаловались. А он ширкал своей кукурузиной и, как последний дурак, возвращался домой, на диван – к Евгении и вечерним сосискам, к его широкоэкранному величеству Телевизору. В сущности, в болото – в царство мух и домашних тапочек, в дремотные ночи, где уже никак не леталось.

И вот – замаячило, проблеснуло! То самое, что молодые зовут движухой. Оказавшись на распутье, оба вдруг обнаружили, что руки их отнюдь не скованы, что дорожки вольно разбегаются в стороны, что можно идти куда хочется: направо, налево и даже на чертовы кулички.

Валерий хорошо помнил, с каким воодушевлением кивнула Евгения, когда назревшее было озвучено. Она давненько подумывала о том же. Только не говорила, боялась обидеть. И он, вероятно, опасался того же. Однако решилось все просто, и этот вечер они решили отметить. Так сказать, завершающим аккордом. Дабы покончить с затянувшейся кантатой на двоих.

Распутье обещало волю.

Распутье становилось благом.

«Husband» – по-английски «муж», а глагол «to husband» означает «экономить». Перевод, к слову сказать, символический, но сегодня Валерий экономить не хотел. Праздник – так праздник, а посему он заказал всего и много, даже с перебором. Ресторанчик был, конечно, не самый дорогой, однако ударить по бюджету гражданина средней полосы России и среднего достатка мог очень даже чувствительно. Тем не менее, сегодня об этом не думалось – сегодня они праздновали расставание, отмечали освобождение. Гордиев узелок замечательно развязывался, и парой веревочек-змеек они обретали возможность струиться в разные стороны. Он – к своей Людочке и вождьленному Крыму, она, без сомнения, тоже к какому-нибудь мачо помоложе и побогаче. Хотя бы вот к этому усачу, что пригласил ее на танец.

Прихлебывая шампанское, Валерий с улыбкой смотрел на танцующих и даже чуть прищелкивал носком лаковой туфли. Евгения тоже сияла. И ведь вырядилась, точно на свадьбу! Надела нефритовое кольцо, сережки, колечко – все лучшее из того, что он ей когда-то дарил. И платице выбрала самое парадное, подчеркивающее грудь, талию, линию спины...

А в общем, надо отдать ему должное: Евгения выглядела моложе своих лет. Значит, не мытарил – берёг. Валерию даже пришлось на ум, что смотрит он на нее как отец на повзрослевшую дочку. Дочурка выросла, расцвела, дочуру пора было выпускать в свет, выдавать замуж. Момент щекотливый, но за Евгению папа Валера был спокоен. Он неплохо ее сохранил. Более того – успел вложить в девичью головушку массу ценного! Приучил к футболу и боксу, к пельменям и маринованным грибкам, познакомил со сленгом технарей, с кухней гурманов-командировочников, научил ходить на лыжах и понимать живопись. Да что там живопись! – она и обои клеила теперь вполне прилично, и гипсокартон кусками пластала, и плитус шпаклевала! А кто отсоветовал ей краситься ярко и безвкусно? Кто сочинил сегодняшнюю прическу – столь же экономную, сколь и привлекательную? Чего уж скромничать: под его руководством вчерашняя студентка превратилась в настоящую бизнес-леди. Куда там приторной Элизе Дулитл! – его творение было много интереснее. Ведь косились с соседних столиков, на танец рвались приглашать, улыбались медово, значит, можно было не волноваться – подруженька не потеряется и не пропадет. Вот на него посматривали совсем с иным выражением – что называется «хмуроглазо» и «косохмуро», из чего следовало два полярных предположения: либо выглядел он на фоне своей дамы чересчур страшно, либо наоборот – подозрительно шикарно. Валерия, разумеется, устраивал второй вариант, хотя верен был, скорее всего, первый.

Усатый кавалер проводил Евгению к столу, поблагодарив, деликатно расшаркался и отошел.

– Понравилось?

– Не то слово! – Евгения порывисто хлебнула из бокала, закусила икрой. – Вспомнила про нас с тобой – как мы первый раз танцевали. Ты тогда и разговаривать не стал, с ходу меня обнял.

– Чего было тянуть? Ты мне сразу понравилась.

– Ты говорил, что понравилась моя грудь.

– Ага, – легко признал Валерий. – Сначала грудь, потом ушки, а после и все остальное. У мужчин всегда так. Называется – фрагментарное зрение. Как у насекомых.

– Вы и есть насекомые.

– А вы?

– И мы тоже. Но мы – пчелки. Трудолюбивые и ответственные. – Евгения игриво подмигнула кому-то в толпе. – Не замечал, как по-разному летают осы и пчелы? Оса летит прямо к цели, нигде особенно не задерживается. А пчела исследует бутон за бутонем, старательно собирает пыльцу. Да и внешне напоминает сгорбленную хозяйку. Когда на лапках пыльца, полное впечатление – будто видишь женщину с авоськами.

– А мужчины, стало быть, осы?

– Ну да. Вы и жалите больнее, и жал в ранах не оставляете. Чтобы без следов и улики.

– Послушать тебя – мы прямо киллеры-профессионалы.

– Так оно и есть.

– А как тогда быть с телегонией? С памятью наследственной?

– Ну... Телегония – вещь мистическая, наукой, по счастью, мало изученная, – Евгения философски улыбнулась. – Но если мои дети будут ходить на тебя, мне будет приятно.

– Странно, но и мне тоже. Хотя... Будет ли это приятно им? – Валерий в сомнении потер свой нос. – Насчет пчелок с осами тоже мог бы поспорить. Кто и кого больнее кусает – тоже вопрос не решенный. Наше-то жало при нас остается, а вот ваше потом не выдернешь, как ни старайся.

– Так уж не выдернешь?

– Да-да! Можешь смеяться, но я однажды рассматривал пчелиное жало через лупу – там и впрямь зубчики по краям. Как у крючка рыболовного. Так что кусаете вы крепко и надолго, – Валерий подкинул оливку, поймал ртом. Горделиво улыбнулся. – Жало-то выдается с мешочком яда, значит, и боль пролонгирована по времени.

– Зато без жала пчелки погибают... – Евгения тряхнула сползшим на лоб медным завитком, белозубо улыбнулась. – А помнишь, как мы с дерева чуть не свалились?

– Почему это «чуть»? Именно свалились. Я на землю, а ты на меня. Пчелка четырехпудовая.

– Ладно тебе! Я тогда, можно сказать, впервые в жизни страх преодолела, на дерево полезла.

– А уж сколько я тогда страха натерпелся! – Валерий хмыкнул. В ту первую совместную осень они часто ходили с Евгенией в походы, исследовали друг дружку, исследовали окрестности. И тогда же он вздумал учить ее взбираться на деревья. Выбрал вполне подходящее – кривоватую сосну с низко растущими ветками – практически тренажер для первоклашек и чайников. Только у Женьки все равно ничего не вышло. То есть – заползти вверх у нее получилось, а вот на обратном пути произошел сбой, и девочка надежно застряла. То ли вниз посмотрела и испугалась, то ли силы иссякли. Так или иначе, но Женька капом приросла к стволу и нипочем не желала слезать. Держалась за ствол всеми четырьмя конечностями и в голос редела. А он бегал вокруг, орал, ругался, увещевал и упрасивал. Потом сам полез к ней, гладил по спине, нашептывал всякую чушь, утешал, словно младенца. И ведь подействовало! Немного похлопав носом, она успокоилась и ослабила хватку. Так ослабила, что он не успел вовремя отреагировать. Рухнули вниз в обнимку – точно скалолазы в песне Высоцкого. Хорошо, хоть угодили на мох. Уцелели...

– Ты тогда на негритянку походила. Вся в трухе да в смоле.

– Зато от высотобоязни излечилась.

Это верно, тут она ничуть не преувеличивала. За минувшие семь лет Валерий вылечил ее от многого: от высотобоязни и шопингомании, от зависти к актрисам на обложках и комплекса неполноценности, от страха перед стоматологами, дворовыми псами и целлюлитом. А сколько раз он лечил ее от ангины и гриппа! Травками поил, спиртом растирал, даже голодать заставлял. А было и такое, что Евгения заявила к нему, пошатываясь, с температурой

под сорок! Пришла, потому что до него от работы было значительно ближе. И что-то он тоже мудрил-выдумывал – с отварами и компрессами, с шерстяными носками и греющими растираниями. Пятки мял, виски массировал, чеснок по всей квартире разбросал. А в итоге, взял, лекарь хренов, и овладел ею. Сам даже не понял, как это произошло. Никогда ведь раньше у него такого не было, а тут прилег рядом, обнял – и все заверте... Совсем как в рассказе Аверченко. Казалось, будто печь раскаленную ласкает – самую малость не обжигался. И она в полубезумии и полубреду отвечала на ласки загадочно и непривычно, точно инопланетянка Аэлита. Но самое удивительное, что на утро от температуры не осталось и следа. Встала, как ни в чем не бывало, и отправилась на работу. И он почему-то тоже не заболел.

А еще у них *это* случилось однажды на крыше. Всего-то и выбрались ранней весной – полистать книжки да позагорать. В результате, перепачкались в битуме и сгорели, как англичане в какой-нибудь Испании. У него потом облезали сожженные солнцем ягодички, у нее – колени...

– А помнишь, как болели за наших бойцов? – оживилась Евгения. – Что-то восточное показывали – не то «Бусидо», не то «Рингс».

Валерий кивнул. Такие сумасшествия тоже не забываются. Показывали какой-то небоксерский чемпионат – с применением ног и практически без правил. Дикое откровение по тем временам! Многие вовсе не смотрели – плевались, другие прикипали к экранам намертво. И их тогда тоже засосало. Очень уж переживали за одного симпатичного японца. Конечно, японец тоже бил лежащих и правил не особо соблюдал, но выглядело это у него как-то поблагороднее, поинтеллигентнее, что ли. Видно было, что щадит противника, не добивает. И кулак занесенный сдерживает, и зубы в крошево не превращает. Рыцарь, короче. И вот когда симпатяга японец (не наш, но вроде как уже и наш), в конце концов, победил всех своих оппонентов-упырей и выиграл турнир, Женька с Валерой пустились в полпервого ночи в самый настоящий пляс – с подскоками на балконе, с воплями и поцелуями. Из стартового пистолета даже бабахнули – совсем как в новогоднюю ночь. В общем, продемонстрировали акт нормального человеческого безумия.

– Выпьем? – предложил Валера. – На брудершафт?

– Запросто! – Евгения снова рассмеялась. Значит, тоже припомнила, как подобное предложение он сделал ей в первую встречу – сразу после грома дискотеки и миазмов курилки. Ни он, ни она пить на брудершафт еще не умели. Оба потянулись губами и тут же облились вином. Она испортила свое выходное платье, он – свой лучший пиджак. Потом, уже у него в ванной, вместе отмывали чернильно-красные пятна, поочередно трясли коробкой с солью и стиральным порошком, чем и сгубили одежду окончательно. Зато и домой без платья она уже пойти не могла – пришлось оставаться с кавалером на ночь.

– Вот что значит – отсутствие опыта, – Валерий наполнил бокалы, галантно переплел с Евгенией руки. Не без удовольствия отметил, что с соседних столиков на них искоса поглядывают. Кто с завистью, а кто и с откровенным недоумением.

Он хотел просто чмокнуть Евгению, но поцелуй вышел неожиданно сладким и загадочным. Не тем жадным взасос, что так часто показывают на экранах, но и совершенно не школьным. Будто нежно куснули друг дружку – и даже чуточку лизнули. Валерия при этом словно током обожгло. И даже накрыло волной смущения. Точно и впрямь целовался впервые.

– Как ты теперь будешь? – тихо поинтересовалась Евгения. – Один или есть кто на примете?

– Не то чтобы есть, но... – Валерий пожал плечами. – В общем, увлекает тут одна. Секретарша нашего шефа. Ножки, личико – все при ней.

– А что шеф?

– Шефу эти прелести без надобности. У него цифры да схемы на уме. Обналичка обезличенного, санкционный дефицит и прочие фокусы. Вот и скучает девонька. Лицо фирмы, а скучает, представляешь?

– Непорядок! – качнула головой Евгения. – Лицо фирмы скучать не имеет права.

– И я о том же!

– Значит, подружись. Думаю, у тебя получится.

– Возможно... А ты куда целишь? – Валерий тряхнул головой, недавнее смущение ушло. – Тоже, наверное, есть в запасе какой-нибудь секретарь?

– Мужчин секретарей у нас пока еще не завели, – Евгения подцепила вилочкой оливку, прикусила ее зубками.

– А генеральные?

– А эти наоборот повывелись. Я, Валерочка, скромно охмуряю директора нашего банка.

– Лихо!

– Главное, что дело от этого выигрывает. Без моих советов он давно бы заплюхался.

– Значит, приятное с полезным?

– Скорее, полезное с полезным.

– Тогда не тяни. Банкиры – народ непостоянный.

– Ты так считаешь?

– Не я, – они так считают. Денежные знаки и прочие жизненные блага жутко отвлекают. Я же говорю: время сумасшедшее, все вокруг заболели бизнесом. Опять же кризисы, девальвации-стагнации... Так что не тяни, обрабатывай клиента.

– А что? Может, прямо сегодня и встретимся. Он вообще-то намекал.

– Вот и правильно, – Валерий деловито потер лоб. – Кстати! Я своей Людочке тоже звякну. Может, сомкнем отпускные недельки и махнем в Крым. Или в Египет – акул с рук покормим.

– Меня ты тоже в Крым однажды звал. Полетать над холмами.

– Помню. Только ты зимой отдыхала.

– А ты – летом.

– Вот и не получилось. Аппарат у меня до сих пор в гараже пылится. А знаешь, какие там ветра! – Валерий причмокнул губами. – Часами можно в воздухе парить. Сутками! Слетать до самого солнышка и обратно, а при желании и весь Крым пересечь – от Сиваша до Севастополя. Если, конечно, пограничники не собьют.

– Больно им надо. Они вон в Москву чужой самолет пропустили.

– Так это когда было. Второй такой уже не пропустят. Не ракетами, так из «калашей» сшибут, камнями забросают.

– Значит, хорошо, что не полетали, – сделала вывод Евгения. – Сбили бы над твоим любимым Сивашом – и не сидели бы сейчас, не пили бы шампанское...

Легкий треп враз оборвался. Валерий задумался, Евгения замолчала. И глаза ее угасли – точно лампочки, лишенные питания. Но оттого только возросла ее сегодняшняя привлекательность: своим обесточенным взглядом она рождала сердоликовый туман, и туман этот заворачивал, обволакивал. Наблюдая этот странный феномен, Валерий снова порадовался. Он действительно мог собой гордиться. Минувшие годы ничуть не состарили Евгению – более того, она, несомненно, похорошела.

– Вы не против, девушка? – он протянул ладонь, и, очнувшись, она мягко подала свою. Квартет на подиуме заиграл что-то тягуче-медовое – как раз то, что требовалось. Валерий повел Евгению танцевать...

А еще через пару часов, разомлевшие от еды и вина, они покидали ночное заведение. Шли, основательно покачиваясь, словно продолжали ресторанный танец, шутливо толкая друг друга бедрами, свободные и от того, верно, особенно счастливые.

Всё в эти сказочные сутки получалось само собой, и, не прощенное, рядом притормозило вполне опрятное такси. Валерий галантно помог Евгении устроиться в салоне, не удержавшись, вновь поцеловал в губы.

– В последний раз... – он, извиняясь, улыбнулся, она, извиняя, махнула рукой. Двигатель машины нетерпеливо взрычал, такси устремилось в неведомое.

С хрустом распрямив спину, Валерий потянулся, на пару мгновений распахнул руки. С неба подмигивали вольные звезды, напоминая о высоте и крыльях, – он стоял на перекрестке и мог идти, куда хотел. Вправо, влево и вверх – по балконам, крышам и облачным ступеням. Сердце екало, разыгрывая свою тайную рулетку, но что-то с советами не спешило.

Увы, история выходила совершенно неоригинальной. Выпорхнув из клетки, птички недолго гадали да раздумывали. Пощебетав в свое удовольствие, потолкались на жердочке и разлетелись в разные и оттого особенно теплые края.

Луна на ущерб и день на убыль – что-то подобное творилось и с ним. Путь домой оказался длинным и скучным, как бельевая веревка. По краям дороги громоздились дома-близнецы – несуразные великаны в квадратных пиджаках, многооконные, молчаливые. Сумеречное небо перечерчивали провода и кабели. Люди-пауки свое дело знали: планету кропотливо опутывали и закатывали в кокон. Что должно было вылупиться в финале, не ведал никто – даже лохматые березки, что игриво выглядывали из шеренги тополей. Косясь в их сторону, Валерий неожиданно понял, что ни к какой Людочке он не пойдет. Наверное, даже звонить не будет. Потому что поздно, потому что устал. А еще потому, что Людочка очень уж ярко красится, и на голове у нее настоящий Вавилон. Значит, снова придется учить и советовать, снова отправляться в походы, приобретать глянцево-пахучие программы филармоний, покупать бусы, сережки и прочие цветики-самоцветики. Ничего не попишешь, женщина – подобие банка. Сколько вложишь в нее, столько процентов и набежит. Между прочим, не факт, что набежит, однако надежда есть всегда. В Людочку он не вложил пока ничего. В отличие от той же Евгении...

Шепелявым ветерком налетела грусть, заботливо укутала в горьковатый плед. Ясно представилось, что вот сейчас он вернется домой, рухнет на опустевший диван, раскинет руки распытием и заскучает. Наверное, и ноги разведет – чтоб уж выложить полный крест, а точнее – звезду, если считать голову конечностью. Впрочем, голова – не конечность. Скорее, изначальность. Всего и вся. Источник мыслей и пучина горестей. И, спасаясь от последних, он потянется к журнальному столику. В руку ящеркой скользнет пупырчатый пульт, и пальцы сами собой нащупают нужные кнопки. Телевизор он включать не будет, но зажжет огоньки музыкального центра. А после заведет своего любимого Вивальди. Или Глюка... Когда-то давным-давно под пасмурное настроение Валерий любил слушать «Адажио» Ремо Джадзотто – не из мазохизма, напротив – пытался гомеопатически лечить подобное подобным. Однако со временем перестал. После того как музыку сделали народно-похоронной. А может, просто приелось – ничего не попишешь, красота тоже грузнеет и блекнет. Впрочем, поплакаться ему всегда находилось подо что – от Шопена с Листом до Каччини с Чайковским. Все самое лучшее всегда получалось наиболее печальным. Иначе, наверное, и быть не могло.

Помнится, про Пастернака усатому вождю тоже нашептывали: мол, грустные стихи пишет, упаднические, а жить-то стало веселее. Может, поправить поэтическую ручонку, а то и вовсе вывернуть за спину? Но вот не стали выворачивать. Странная штука, усатый тиран

поступил совсем даже не по-тираньи. Возможно, потому что и сам когда-то пытался сочинять. Иначе не сказал бы, что хорошие стихи веселыми быть и не могут. А вот неверный соратник и улыбочивый кукурузник к сочинительству любви как раз не питал. Соответственно и травлю Пастернаку организовал вполне качественную, лишив мировой премии, а после планомерно вогнав в тяжелую болезнь...

*В года мытарств, во времена
Немыслимого быта
Она волной судьбы со дна
Была к нему прибита.
Среди препятствий без числа,
Опасности минуя,
Волна несла ее, несла
И пригнала вплотную...*

Валерий пораженно остановился. Ну, да, конечно, пастернаковский Живаго! Именно эти стихи она ему сегодня читала! Все время, пока они покачивались на танцполе в такт мелодии. Он приучил ее к Рахманинову с Пахельбелем и Гродбергом, она свела его с серебряным веком России – за год с небольшим сломив поэтический скепсис, одурманив сказочным диапазоном того пестрого времени. Северянин, Хлебников, Сологуб, Есенин... Она читала их наизусть без каких-либо книг и шпаргалок, и было абсолютно непонятно, как такое обилие строк помещается в ее симпатичной головке. В итоге условный рефлекс был закреплен: стоило ей открыть рот, и он умолкал, превращаясь в кобру, что размеренно внимает играющему на флейте факиру. Да, да! Это их, пожалуй, и роднило. Они оба умели слушать. Точнее – умели говорить друг другу такое, отчего не хотелось прятаться и закрывать уши. Евгения слышала его, а он ее.

Валерий ощутил озноб. Точно петарда лопнуло под темечком понимание того, что ни Людочка, никто другой уже не сможет с ним общаться подобным стихотворным образом, и невольно он представил себя, танцующим с секретаршей, ее жеманное хихиканье, горячие руки на шее, яркие губы возле уха. Озноб перерос в дрожь.

Домой! Быстрее и не оглядываясь! К чертям всю эту кисельную кашу, было – и сплыло. Чудесный день следовало завершить не самой мрачной нотой – под мысли о себе и о ней, под думы о дружбе и недружбе, может быть, финишным глотком коньяка или водки – что уж там отыщется в холодильнике. И тогда... Тогда снова все как бы наладится и устроится, вернется способность рассуждать здраво, и засеменит перед мысленным взором череда вечных антонимов: улыбки и смеха, музыки и грохота, взлета и падения, любви и страсти. Чуть позже заколосятся мысли о смерти – о том, что именно в многолюдье проще простого умереть от одиночества. Когда все не то и не так, когда хочется встать и уйти через окно – хоть по-английски, хоть даже по-русски. Само собой, ото всех этих головоломок уже через какой-нибудь час заноеет черепная коробка, и нависнет дамокловой остроты вопрос: где и в каком году он ступил неверной ногой на ложную тропку? Может быть, все пошли, и он пошел? Потому что вместе, как на парад и к заводской проходной? Никто не одернул, не удержал, не дал должного совета. А хуже всего, что промолчало собственное сердце...

Кто знает, возможно, только и было у него несколько волшебных часов озарения – когда парил над долинами Коктебеля. Там, на шелестящей высоте, мир был прекрасен и звонок, а люди смелы и прекрасны, и не было нерешенных вопросов – ну, ни единого! – пусть даже из самых-самых сложных. Озирая все горизонты разом, он знал всё и про всё – про Хвалынское море и Понт Эвксинкий, про древнюю Ольвию и залив Донузлав, про Тарханкутские подводные пещеры и белые камни Севастополя. Земля поражала спелой округлостью, и люди

на ней были далеко не единственными разумными существами. А еще... Еще он видел, как Любовь, эта неутомимая облачная империя, изо дня в день дождем проливается в равной степени на всех. Число капель знаменовало число душ, и небо знать ничего не знало о зонтах и крышах, о том, что его послания чаще именуют ненастьем и непогодой. Слепое великодушное жило по своим законам, и в высотном своем всезнании Валерий тоже готов был прощать всех и каждого – акул и медуз, нерадивых туристов, удары молний и озоновые дыры. Обозревая крымские просторы, Валерий прощал прозорливого Фрунзе и сурового Слащева, прощал тех, что сгубили пулеметным огнем конницу Махно, прощал даже тех, кто много позже без всяких пулеметов пустил великолепный агатово-сердоликовый песок Крыма на дешевый бетон. Увы, планета была крохотной, а Крым легко умещался на ладони. Оттуда, с небес, все казалось иным, все заслуживало участия. Даже не зажмуриваясь, можно было вообразить себя ангелом, сердобольно разглядывающим никчемную земную суету. Время замирало и отступало, исторические пласты смешивались в нечто единое, и не было уже ни будущего, ни прошлого, ни настоящего. Генуэзские мореплаватели продолжали строить зубастые крепости, огнем и мечом доказывая свое право на территорию. Войска юного Македонского шарили по земле в поисках достойного противника, а им навстречу погонял обозы и нахлестывал лошадок медноликий Чингисхан. Следом, среди гвардейских каре, вышагивал юный, еще не обзаведшийся животиком Наполеон, а вровень с его войсками мимо живописных берегов плыли вереницы судов – в Колхиду за Золотым руном. Чадили костры, вялилась баранина, татары и скифы заряжались жирком и отвагой для очередных набегов, а золото «Черного принца» лежало на дне, поджидая наплыва безумцев в аквалангах. Тут же пылили по дорогам колонны мрачных грузовиков – соколы Сталина рушили древние аулы, с азартом, точно в нарды играя, переселяли народы из края в край, и рядом – ужасающе рядом – фонтанировали песком и клыкастыми осколками пестрые берега. Пехота с матросами, захлебываясь кровью, билась за гиблый плацдарм, за Малую землю...

Оттуда, с высоты, все было видно, и все было близко. Кулисами расступались чувства, казалось нелепым – сравнивать пафос и драму минувшего с расставанием двух людей. Да и что, собственно, случилось? Она уехала, он ушел. Все! Двое освободились от наскучившей ноши, только и всего. Вставили ключик в невидимые наручники, повернули на пол-оборота и вчерашние узники разошлись. То есть так ему чудилось еще пару часов назад, так думалось и так представлялось. Но что-то не срасталось во всем этом ребусе, что-то откровенно мозолило глаз. Путалась под ногами невидимая нить, некая потайная растяжка. Все равно как пуповина, вновь и вновь влекущая Валерию в крымское небо. Якорь, который невозможно было отвязать, утопить, который, возможно, и топить-то не следовало.

Ковровая дорожка до дома, наконец-то, размоталась. Он энергично растер левую грудь, но легче не стало. Перед тем, как зайти в подъезд, постоял тусклым столбиком, бездумно шаря в карманах. Правая рука нашла забытую монетку – копеечку, на которую раньше можно было купить коробок спичек или мятную конфетку. Теперь копейка стоила ровно копейку и не более того. Как, впрочем, и жизнь некоторых предельно свободных индивидов. Миф... Еще один пафосный миф. Сказание о свободе, которой нет, не было и никогда не будет. Игрушка-погремушка в руках хитрованов-говорунов...

Валерий посмотрел вверх. Окна родного этажа были темны, подниматься туда не было ни малейшего желания. И звезды больше ему не подмигивали – светили с тускловатой уверенностью. Сколько не ждал – не упала ни одна. Сообщающиеся сосуды работали в привычном режиме – пестрым варевом город переливался с улиц в квартиры, сосредоточивался на кухнях и перед телевизорами. Люди хлебали суп, пили чай и грызли сушки, накапливали энергию и ярость для последующей фазы, когда брызнет тягостная минута вновь выливаться из домов вовне – в коловращение транспорта и пузырящие будни. Ему же накапливать жизненное электричество больше не хотелось. Как не хотелось полетов в гордом одиночестве и благосклонных

улыбок шефа. И та же Людочка... Он ведь ни вкусов ее не знал, ни привычек. Может, она даже Маркеса с Чеховым не читала. И «Песняров» с «Beatles» никогда не слышала. И как тогда быть? Терпеть и притираться друг к другу?

*И вот теперь ее отъезд,
Насильственный, быть может!
Разлука их обоих съест
Тоска с костями сгложет.*

Валерий произнес четверостишие вслух и ничуть не удивился. Страдания Живаго следовало довести до логического завершения. Жизнь не выдумывала ничего нового – в сущности, все ее фокусы были прежними – драмы, трагедии, счастье и слезы. Менялись лишь сами участники: обессилевшие актеры покидали мир декораций, пересаживались к зрителям, последние безропотно поднимались на сцену. Нужную ротацию задавало вращение Земли, смена дневного и ночного времени. Вот и ему пора было возвращаться на свою малометражную сцену – дабы доигрывать роль в поскученвшем моноспектакле.

Решившись, наконец, Валерий проник в подъезд, повернул к лестнице, нарочно прошагал мимо лифта. В самом деле, куда спешить-торопиться?

Привычные до оскомины пролеты поползли-потекли под ногами. Растянутая на несколько этажей гармонь ничем новым не порадовала, выдав шаркающее уныние, затертый ритм собственных шагов. Лампы, как всегда, не горели, зато светились надписи на стенах. Любители граффити все чаще использовали люминесцентные краски, должно быть, по своему боролись с тьмой и невежеством. Чем-то это занятие роднило их с далекими пращурами, разрисовывающими свои пещеры углем и охрой, хотя об этом современные живописцы вряд ли задумывались. Увы, пещерный век таковым и остался. Учитывая рокировку свободного неба с компьютерным экраном, можно было даже судить о том, что своды пещер стали темнее и ниже.

Поднявшись на родной этаж, Валерий не сразу разглядел сидящую на ступенях фигуру. Посветив брелком, помотал головой:

– Ты?... Я думал – бомж.

– Конечно, бомж. Дверь-то закрыта, а ключи я тебе отдала, – Евгения неловко поднялась.

– Хмм... А в подъезд как попала?

– Сосед по старой памяти открыл.

– Чего ж к нему не пошла?

Евгения на это только фыркнула.

– Лучше скажи, почему так долго?

– Ну... Это как раз понятно. Пешком – это не на машине... – Валерий обошел Евгению со спины, мимолетно вдохнул ее запах – такой привычный, такой родной. Не удержавшись, положил руки на талию – удобно, привычно, покойно. А дальше ладони скользнули вверх, точно по рояльным клавишам пробежались по едва угадываемой ребристой волне, естественным образом накрыли два мягких холмика. Ладонкам стало жарко и хорошо, пальцы дрогнули на двух стартовых кнопках, подбородок опустился в ложбинку между ключицей и шеей. Совершенно неожиданно Валерий ощутил себя счастливым. Ненадолго – может, всего на одну спичечную вспышку, но ощутил. И она это тоже почувствовала.

– Ну что,пустишь меня? – Евгения подняла голову, и голос у нее странно дрогнул. – Все-таки последний раз...

Валерий не ответил. Может, потому, что уже знал: распутья у них не получилось.

Молча отворив дверь, сунул ключи в карман, чтобы не мешали, рывком подхватил Евгению на руки. Совсем даже не по-богатырски крякнул, чуть даже не споткнулся на пороге. Лег-

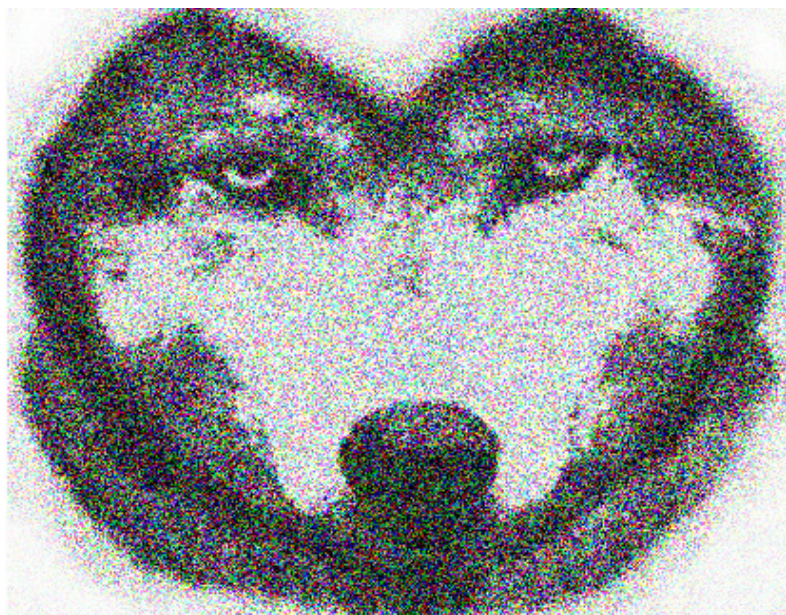
кой Евгению назвал бы тот, кто с ней не падал с дерева. И так же нелегко было сообразить, что же стряслось сегодня с ними.

То есть, возможно, дело заключалось в жале, что никак не извлекалось наружу, а может, в чем-то ином. Ведь даже в полетах имеется свой отчетливый минус: там, на высоте, восторгами не с кем делиться! Ты один на один с небом – огромным, волшебным, мудрым и все же бесконечно пустым, а шкурка вольного путника-распутника, увы, не всем по плечу и размеру. И выходило, что две новоиспеченные свободы вновь сливались в одну несвободу.

Сладкую, как детская ириска.

Незатейливую, как пяточная мозоль.

Волк

Своего злейшего врага я встретил в неподходящее время и в крайне неудачном месте. Это случилось, когда я снимал квартиру на Зеленой Горке – в районе, густо заселенном криминальным элементом и обнищавшим рабочим классом. Столь ласкавшая слух иностранцев перестройка крепко приподняла первых и посадила на дно вторых. К этим вторым принадлежал и я. Почему? Потому, наверное, что не хотел воровать и не умел торговать. Мечту отдельных граждан что-то производить собственными руками хмурое время всерьез не воспринимало. Более того, снисхождение оказывалось деяниям иного порядка – настолько иного, что скучать и брюзжать было некогда.

Я жил на первом этаже, и за моим окном, как на огромном экране, чуть ли не ежедневно разыгрывались суровые постановки современников. Кого-то грабили и избивали, кого-то и куда-то волокли за ноги, забрасывали в сугроб, раздевали донага. Раз три мне довелось наблюдать настоящую перестрелку, раз пять я сам вызывал «Скорую» с милицией. В общем, жить стало не лучше, но, безусловно, занятнее и опаснее.

Впрочем, сказать, что сам я отличался безобидностью, было нельзя. Да и само имя Андрей во все времена и во всех трактовках скрывало в себе боевое звучание. В этом смысле я себе вполне соответствовал. В моей прихожей всегда таился наготове металлический сантиметровой толщины прут, в потайном отделении сумки ждал своего часа газовый револьвер, а сам я завел за правило не выходить на улицу без кастета. Кастет был самопальный, из дюраля, с резиновой накладкой, не слишком удобный, и все-таки довольно опасный. К сожалению, меры предосторожности были более чем оправданы. На пути к дому меня с поражающей регулярностью пытались сшибить с ног, лишить куртки и шапки, а в собственном подъезде однажды устроили форменную темную. Я не выглядел как купец или зажиточный бизнесмен, но что-то в моем нахоленном облике все-таки притягивало уличных подмастерьев. Из учеников молодая перестроечная поросль норовила выбиться в мастера, и ребяткам требовались ежедневные живые тренажеры, требовался абразивный материал. Пока мне везло – обходилось без травм и серьезных потерь. Во многом благодаря кастету и навыку бить перекрестным справа. То есть, может, и немного им требовалось – этим ребятишкам с улицы, лихим ровесникам пятнадца-

тилетнего капитана, но холодная зима и затянувшееся безденежье заставляли по-иному ценить ту одежку, в которой щеголял я в описываемое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.